

А
Н. И. Надеждин

Летописи отечественной литературы

Русский Жилбаз.

Похождение Александра Сибирякова, или школа жизни. Сочинение Геннадия Симоновского

Две части, Москва, в типогр. С. Селивановского, 1832

Семейство Холмских

Некоторые черты нравов и образа жизни, семейной и одинокой, русских дворян

Шесть частей, Москва, в типогр. А. Семена, 1832

Оригинал здесь -- <http://www.philolog.ru/filolog/writer/nadejdin.htm>

Надеждин Н.И. Литературная критика. Эстетика. - М., 1972.

Рассуждая вообще о романах {См. "Телескоп", No 14. Статья сия не продолжается по причинам, от издателя не зависящим. -- *Изд.*}, мы видели, что современные события и нравы лежат вне области романа, понимаемого в том смысле, какой дается ему теперь всем просвещенным миром. Следовательно, сии два произведения нашей словесности, в коих предполагалось изобразить современную русскую жизнь, не должно судить по идее и требованиям романа.

В чем же должно состоять эстетическое достоинство сих и подобных им нравоописательных сочинений?

Прошедшее столетие завещало нам два способа представлять современные нравы в форме художественной, весьма близко подходящей к форме романа и потому долго с ней смешиваемой: первый испанский, прославленный Лесажем; другой английский, коего представителями должно счесть Ричардсона и Филдинга. Оба сии способа имели множество последователей и ревнителей.

Лесаж, коего слава доселе держится "Жилбазом", не сам изобрел форму своих нравоописательных романов, он только перенес во Францию и сделал общеизвестным давно существовавший в Испании, так называемый *бродяжный* или *бездельнический* род (*del gusto picaresco*), коего первым опытом был "Лазарил Тормский", сочинение известного Диго де Мендозы, государственного мужа, полководца, историка и поэта Карла V. Художественная ткань произведений, составляющих сей род, весьма проста и незатейлива. Выдумывают прошлеца, бродягу, плута, которого заставляют скитаться по белу свету, чрез все ступени общественного быта, от крестьянской хижины до королевских палат, от цирюльни брадобрея до кабинета министра, от презренных вертепов мошенничества и разврата до смиренной пустыни отшельника. Замечания и рассказы, собранные подобным скитальцем, во время странствования по различным слоям общества, сцепляются в одно более или менее обширное целое, которое своим разнообразием, пестротой изображений и живостью картин, может щекотать воображение, занимать любопытство и даже укалывать нравственное чувство назидательными впечатлениями. Сим ограничивается вся художественная их обработка. Разумеется, что, при таком составе, драматическая сосредоточенность интереса в единстве живого действия, необходимая для романа в собственном смысле, невозможна. Лице главного героя в подобных произведениях не есть существенный центр их эстетического бытия, а произвольно придуманная ось, вокруг коей вращается волшебный раек китайских теней.

В Испании эта произвольность имела вид естественности, ибо там существует действительно, как национальный идиотизм, класс бродяг и прошлецов, подобных Лазарилу Тормскому и Жилбазу де Сантилана. Но когда, по примеру Лесажа, в других европейских нациях, где гражданская жизнь более устроена и теснее сжата в рамках общественного порядка, явились новые Жилбазы, их неестественность и лживость должна была раньше или позже изобличиться. Посему род сей был наконец брошен. Во Франции хотели заменить его "Пустынниками", кои с легкой руки Жуи быстро расплодились и пустили было отпрыски во все европейские литературы. Здесь комическая маска Жилбазы-пройдохи заменилась степенным лицом холодного наблюдателя, всматривающегося из-за угла в пестрые картины